

Россия и Монголия: сходства и различия

Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической т р а н с ф о р м а ц и и

Родионов Владимир Александрович –
кандидат политических наук, доцент кафедры
истории и регионоведения стран Азии,
Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ.

E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.418

Аннотация. В данной статье¹ исследуются кардинальные общественные изменения, произошедшие в Монголии на рубеже XX–XXI вв. Одним из ключевых понятий, используемых в статье, является «постсоциалистическая трансформация». Данный термин призван объяснить наличие общих исторических и пространственных характеристик стран, отказавшихся от социализма как общественной модели и воспринявших капитализм в качестве альтернативного общественного идеала. При изучении данного феномена в Монголии наряду с формальными институциональными изменениями в политике и экономике, сопровождающими трансформацию, не менее важным был анализ дискурсивной природы постсоциализма, т. е. того, как воспринимались и интерпретировались происходящие процессы. Феномен Монголии прежде всего заключается в том, что она оказалась единственной бывшей социалистической страной в Азии, пошедшей по пути одновременного реформирования политической и экономической сфер, взяв за основу опыт постсоциалистических стран Восточной Европы и России. Отказавшись от социализма, Монголия стала воспринимать капитализм как новую идеальную модель, сохранив модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Демократия как центральное понятие постсоциалистической трансформации в Монголии рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. Своеобразным водоразделом, отделяющим развитие от отсталости, виделась демократическая революция 1989–90 гг. Воплощением отсталости выступал социалистический период истории Монголии, который представал как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности. При этом идея демократии воспринималась монгольским обществом крайне диффузно и противоречиво. Для одних демократия ассоциировалась со свободой в широком понимании этого слова. Другие, осуждавшие систему льгот партноменклатуры, видели в демократии условие социальной справедливости. Такие явления, как реабилитация истории и религии, а также изменение внешнеполитической стратегии виделись атрибутами демократизации страны, а сама демократия стала взаимоувязана с такими явлениями, как нация и суверенитет.

Ключевые слова: Монголия, постсоциалистическая трансформация, демократия, современность

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии», проект № 15-23-03002.

Понятия «постсоциализм» и «постсоциалистические страны» вошли в академический и политический лексикон на рубеже 1980–90-х гг. Их породили «перестройка» в СССР и его дальнейший распад, «бархатные революции» в странах Восточной Европы и даже рыночные реформы в КНР и ряде других социалистических стран Азии [Aslund 1992; Elster 1990; Jowitt 1992; Offe 1991]. По замечанию К. Бойме, «крах реального социализма поставил исследования трансформаций буквально на поток» [Бойме 1994: 148]. Одновременно с этим возникли дискуссии по вопросу о смысловом наполнении понятия «постсоциализм» и «постсоциалистические страны».

На первый взгляд этот вопрос решался просто. К постсоциалистическим странам следовало отнести все те, что отказались от социализма как модели общественно-политического развития. Однако такое простое объяснение не давало ответа на вопрос, почему это произошло и какова дальнейшая траектория развития этих стран.

Теоретические подходы к исследованию трансформационных процессов в постсоциалистических странах

В попытке найти ответ на эти вопросы логичным является обращение к геополитическим истокам свершившихся изменений. Постсоциалистические страны являются определённым территориальным пространством, ещё недавно объединённым сферой военно-политического, идеологического, экономического влияния СССР, – от стран Восточной Европы на Западе до КНДР на Востоке. Ослабление и дальнейший распад Советского Союза, повлёкшие за собой грандиозные международно-политические изменения, во многом стали катализатором отказа от основ социалистической модели развития многих из этих стран. Иными словами, страны стали относить к категории «постсоциалистических» на основании их изменившегося геополитического положения ввиду распада социалистического блока и его ядра – СССР. В то же время исчезновение СССР не привело к стремительным изменениям в большинстве социалистических стран Азии (КНР, КНДР, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже) и на Кубе, формально сохранивших курс на построение коммунизма. Кроме того, выделение только внешнего источника начавшейся в бывших социалистических странах трансформации обедняет политический анализ и не отражает всей полноты картины. Поэтому геополитический признак не может быть признан достаточным критерием для определения постсоциализма и постсоциалистических стран.

Не менее значимыми критериями являются специфические политические и социально-экономические условия и процессы рубежа 1980–90-х гг., определившие предметные

рамки исследований постсоциализма. Одним из популярных направлений в исследованиях коренных социально-экономических и политических изменений в бывших социалистических странах в начале 1990-х гг. стала так называемая «транзитология», противопоставившая социализм (как «отсталую модель») капитализму (как «модели прогрессивной») [Пшеворский 2000; Шумпетер 1995]. Само слово «транзит» было призвано подчеркнуть состояние «между» тем, от чего общество решило уйти (социализм), и тем, к чему оно направляется (капитализм). Необходимость стремительного перехода от социализма к капитализму через либеральные реформы (отпуск цен, приватизация государственной собственности, минимальное вмешательство государства в экономику) считались главным экономическим содержанием транзита, который, в свою очередь, должен был привести к созданию в постсоциалистических странах рыночной экономики. Политическое наполнение транзитологической теории выражалось в разработанных рецептах перехода от тоталитарно-авторитарных систем к либеральной демократии, признаваемой в качестве лучшей формы политического устройства [Rostow 1970; Diamond 1997; Muravchik 1991]. В этой связи процесс демократизации объявлялся закономерным итогом истории человечества.

Особенно важно подчеркнуть, что «транзитология» рассматривала экономическую либерализацию и политическую демократизацию в теснейшей связке. Эти составляющие должны были диалектически сосуществовать друг с другом. С одной стороны, предполагалось, что экономическое процветание, формируя средний класс, закладывало социальную базу демократического режима. С другой стороны, политическая демократия, обеспечивая свободу экономической деятельности и разнообразия форм собственности, укрепляла основы рыночной экономики [Burkhart, Lewis-Beck 1994; Diamond 1992].

Как сам термин «транзит», так и его содержание, имеют свои познавательные ограничения и были неоднократно раскритикованы представителями самых различных школ и направлений социальных наук.

Одни авторы критикуют «транзитологию» за её зацикленность на анализе состояния и развития формальных институтов [Никула 2005:135–137]. Другие обращают внимание на утопичность и/или устарелость идейных установок «транзитологии», её радикальную морализаторскую бинарность в оценках общественной реальности (традиция vs современность, социализм vs капитализм и т. д.) и западнотризм [Капустин 2001]. В ходе данной критики выявляется, что теоретические рамки транзитологии не могут охватить разнообразный страновой материал. Представители политической антропологии критикуют линейный (эволюционистский) подход к пониманию общественного развития, которое

якобы неминуемо должно привести к капитализму. М. Буравой и К. Вердери подчёркивают, что не существует заранее предписанной магистрали общественного развития по западному образцу в качестве конечной точки, потому что процесс трансформации непредсказуем как по своему содержанию, так и по конечному результату. Будущее не предопределено, а прошлое не имеет прямого воздействия на будущее постсоциалистических стран [Uncertain Transition... 1999]. В целом критики отмечают, что «транзитология» не в состоянии создать адекватное понимание противоречивого опыта народов постсоциалистических обществ.

В качестве альтернативы термину «транзит» М. Буравой в своё время предложил концепцию «постсоциалистической трансформации» [Burawoy 2001: 271], которая была призвана объяснить наличие общих исторических и пространственных характеристик рассматриваемых стран. Например, общее для стран Восточной Европы и бывших республик СССР социалистическое прошлое может быть рассмотрено в качестве институционального ресурса для настоящего, т. е. эпохи постсоциализма. По замыслу К. Вердери, применение постсоциалистического подхода позволяет при помощи этнографических методов изучать повседневную реальность тех, кто был вынужден приспосабливаться к новым условиям жизни и потребления после падения социализма: то, как жители бывших социалистических стран жили во время реформ, как воспринимали эти реформы, как приспосабливались к новым обстоятельствам, как их социалистическое прошлое влияло на настоящее, какие типы идентичностей появились в новых обстоятельствах, какие новые практики возникли и так далее. Таким образом, вместо идеи линейного развития концепция «постсоциалистической трансформации» включает в себе идею «множественных современностей» [Verdery 2002: 17]. А. Лангеноль говорит о смысле использования категории «постсоциализм», ибо она «позволяет продемонстрировать различия между старыми демократиями Запада и ещё не полностью сложившимися демократиями Востока и, таким образом, ставит под сомнение предположение об автоматическом выравнивании демократических структурных и культурных моделей» [Лангеноль 2004: 368].

На наш взгляд, использование термина «постсоциалистическая трансформация» наиболее точно отражает сущность происходящих процессов в рассматриваемых странах. Начиная с 1990-х гг., страны, относимые к постсоциалистическим, в своём развитии отталкивались от того, что они понимали под социализмом. Новое общество строилось и воспринималось как антипод социализма. Иными словами, «постсоциализм» понимается в качестве специфического культурного пространства с общими для многих стран социокультурными проблемами

и путями их решения [Лангеноль 2004; Brandtstdter 2007]. Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах. Важнейшей дискурсивной составляющей постсоциалистической трансформации стала идея расставания с коммунизмом как несбыточным будущим, с одной стороны, и идея неизбежности построения капитализма – с другой.

При таком рассмотрении территориальные рамки исследований постсоциализма чаще всего включают в себя страны Восточной Европы и бывшие республики СССР. Особняком в этом ряду стоит Монголия, чей опыт постсоциалистической трансформации заслуживает отдельного рассмотрения.

Монголия в начале процессов изменений

Монголия, вслед за СССР начавшая во второй половине 1980-х гг. политику перестройки, оказалась в ситуации серьёзного системного кризиса. По оценкам западных специалистов, объём внешнего советского финансирования страны за период 1989–91 гг. сократился с 53% (от размера ВВП Монголии) до 7%, а советский импорт сократился на 60% [Woone 1994: 330]. Произошло падение национального дохода, который в 1980 г. составлял 5 млрд тугриков, а в 1990 г. – уже 3.1 млрд. Соответственно, на душу населения в 1990 г. приходилось всего лишь 42 доллара. По этому показателю Монголия опустилась ниже отметки, занимаемой таким крайне отсталым государством, как Бангладеш [Яскина 1994: 30].

Обострение кризисных явлений в экономической сфере и неспособность правительства с ними справиться повлекли за собой требования политических изменений – отмена 82 статьи конституции МНР о руководящей роли правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП), введение многопартийной системы, соблюдение гражданских прав и свобод и др. Основными выразителями данных требований стали представители молодого поколения монгольских интеллектуалов, создавших на рубеже 1980–90-х гг. первые оппозиционные МНРП политические партии – Демократическая партия (ДП), Монгольская социал-демократическая партия (МСДП), Монгольская партия национального прогресса (МПНП) и др. В результате серии массовых акций протеста и гражданского неповиновения ЦК МНРП в марте 1990 г. в полном составе ушёл в отставку, и вскоре после этого состоялись первые многопартийные выборы в парламент страны. Данные события стали именоваться в Монголии демократической революцией.

Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах.

Монголия, вслед за СССР начавшая во второй половине 1980-х гг. политику перестройки, оказалась в ситуации серьёзного системного кризиса.

При известных идеологических разногласиях внутри монгольской политической элиты в начале 1990-х гг. сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития.

В социалистический период был сформирован и институционализирован миф о том, что социализм с его плановой экономикой гарантирует темпы роста, в несколько раз превышающие темпы роста в условиях капитализма. Также представлялось, что социализм способен ликвидировать большинство социальных проблем в течение одного-двух поколений. Иными словами, социализм в рамках господствовавшей марксистско-ленинской идеологии с характерным для неё линейно-прогрессивным пониманием времени виделся наиболее эффективной и исторически оправданной моделью общественного развития. В Монголии начала XX в. с её аграрно-сословным обществом теория построения социалистического общества имела свои особенности и была выражена в формуле «переход к социализму, минуя капитализм» [Ширендыб 1967]. Это предполагало более сжатые, в сравнении с восточноевропейскими странами, сроки строительства «идеального общества» и, как следствие, усиливало надежды населения.

Однако социализм не привёл Монголию к более высокому уровню развития, чем капитализм, а сами монголы не достигли жизненных стандартов жителей капиталистических стран. В связи с этим, миф о социализме в Монголии на рубеже 1980–90-х гг. был заменён типологически схожим мифом о капитализме, который стал восприниматься как панацея от существующих социально-экономических и политических проблем, с которыми столкнулось монгольское общество. При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Сдвиг произошёл внутри модернистского взгляда – от социалистической версии современности к капиталистической.

Монгольские политические деятели, в том числе молодые реформаторы-демократы, в массе своей были носителями подобного модернистского взгляда на историю. Большинство из них получили марксистское образование в советских, восточноевропейских и монгольских вузах, мыслили категориями марксизма и его пониманием общественных процессов, предполагающих тесную взаимосвязь экономики и политики. Отсюда их убеждённость в необходимости синхронности политических и экономических реформ.

Одним из наиболее распространённых пониманий происходящего в начале 1990-х гг. было отождествление трансформации с переходом к рыночным отношениям. Как представлялось сторонникам этой идеи, только свободный рынок – главный атрибут капитализма – был способен сфор-

При известных идеологических разногласиях внутри монгольской политической элиты в начале 1990-х гг. сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития.

При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Сдвиг произошёл внутри модернистского взгляда – от социалистической версии современности к капиталистической.

мировать слой собственников, которые, в свою очередь, станут опорой демократического режима. Подобный либеральный подход предполагал неизбежность одновременного проведения политических и экономических реформ. Именно по такому пути пошли все бывшие социалистические страны Восточной Европы и Россия. И такой путь представлялся оптимальным для ряда монгольских реформаторов. Д. Ганболд, лидер МПНП и вице-премьер в правительстве Д. Бямбасурэна, выступал за полный отказ от плановой экономики, решительную и всеобъемлющую приватизацию большинства государственных активов, включая промышленные объекты и банковскую систему при одновременном сокращении расходов на социальные программы [Rossabi 2005: 25]. III съезд ДП в апреле 1992 г. принял предвыборную программу под девизом «Демократия, свобода, рынок» [История Монголии. 2007: 333].

Существовали варианты, включавшие в себя сохранение (хотя бы частичное) основ политического строя при проведении экономических реформ. Географически Монголия оставалась азиатской страной, что создавало для монгольских политических элит определённую альтернативу. В соседнем с Монголией Китае, а также Вьетнаме и Лаосе в рассматриваемый период получил распространение и имел определённый успех вариант реформ экономического сектора без принципиального изменения политических институтов власти. Этот вариант стал казаться вполне вероятным, когда в Монголии на фоне роспуска КПСС в России и утери всех властных постов коммунистическими партиями в Восточной Европе фактически сохранила свои правящие позиции МНРП, победившая на парламентских выборах 1990 г. Среди политической и интеллектуальной элиты страны идеи о возможном повторении китайского варианта реформирования и выходе из экономического кризиса в тот период времени были довольно популярны [Гербова 1994: 9; Яскина 1995а: 48].

Однако, как показали дальнейшие события, монгольские правящие элиты практически единогласно избрали восточно-европейский/российский вариант реформирования, взяв курс на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны. Структурно монгольская экономика рубежа 1980–90-х гг. имела гораздо больше сходств с экономикой советской, нежели китайской или вьетнамской [Гербова 1991; Кубышина 2000]. Потому при всей внешней привлекательности результатов экономических реформ в КНР и Вьетнаме выбор российского и восточно-европейского пути реформ казался для Монголии более логичным.

В течение первой половины 1990-х гг. в Монголии были проведены рыночные реформы. «Малая» приватизация распространялась главным образом на сферу обращения и была

практически завершена летом 1993 г. «Большая» приватизация предполагала приватизацию средних и крупных предприятий, в том числе промышленного сектора, и была проведена до сентября 1994 г. [Яскина 1995b: 27–28]. Все это привело к закреплению ведущих позиций частного сектора в экономике страны. Стандартный набор политических и гражданских прав и свобод, отражённых в отредактированной конституции МНР, а также в специально принятых законах «О политических партиях», «Свободе прессы», «О выборах», заложили базу для становления процедурной демократии в стране. В этом проявилась уникальность Монголии, единственной из социалистических азиатских стран, пошедшей по пути радикального политического и экономического реформирования.

Философия демократии периода трансформаций

Центральным понятием, наиболее часто употребляемым в ходе происходивших в Монголии того периода политических процессов, была «демократия». На одном из главных плакатов протестующих в декабре 1989 г. было написано: «Наша цель – демократия!». Это слово присутствовало в названиях многих вновь создававшихся движений и партий. В декабре 2014 г. торжественно отмечалось 25-летие монгольской демократической революции, а в 2015 г. монгольские власти объявили 29 июля в качестве «Дня суверенитета и демократических выборов» [Сайханбилэг 2015]. При этом ведущие политики и рядовые граждане страны вкладывали различные, иногда диаметрально противоположные смыслы в процесс начавшихся демократических перемен. Идея демократии на рубеже 1980–90-х гг. воспринималась монгольским обществом (как и другими обществами постсоциалистических стран) крайне диффузно и противоречиво. Для одних демократия ассоциировалась со свободой в широком понимании этого слова. По словам президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, «свобода человека является фундаментом нашей демократии. Монголы любят свободу, потому что мы вернули её непосильным трудом [Монгол улсын... 2015]. Другие, осуждавшие систему льгот партноменклатуры, видели в демократии условие социальной справедливости [Хатаболд 2015: 208]. Даже спустя два десятилетия после начала трансформации в монгольском обществе нет единства на этот счёт. По данным ежегодных социологических опросов, проводимых ведущими социологическим фондом Монголии «Сант Марал», одинаково популярными демократическими ценностями традиционно называются такие противоречащие друг другу категории, как «свободный рынок» и «равенство в доходах» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наиболее значимые демократические ценности,
были возможны несколько ответов одновременно, % ответивших

Год	Свободный рынок	Равенство в доходах
2009	85.4	79.5
2010	89.1	83.4
2011	86.2	82.8
2012	Нет данных	Нет данных
2013	87.6	86.6
2014	83.7	83.8
2015	84.2	85.4

Примечание. Таблица составлена по данным материалов фонда «Сант Марал».

Демократия рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. В свою очередь события 1989–90 гг. виделись началом этой современности, своеобразным водоразделом, отделяющим настоящее от прошлого. Таким прошлым выступал социалистический период истории Монголии, который представал как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности. Как указал в начале 1990-х гг. один из лидеров МСДП Р. Хатанбаатар, Монголия «избавила себя от коммунизма и вступила на естественный путь мирового развития» [цит. по: Sanders 1992: 520]. Бывший премьер-министр Д. Бямбасурэн в своём интервью, посвящённом 25-летию первых демократических выборов в Монголии, вспоминая начало трансформации, заметил, что «для того, чтобы измениться, мы должны были отказаться от социализма, перейти на путь развития, характерный для всего человечества» [Бямбасурэн 2015].

В рамках начавшейся постсоциалистической трансформации демократия стала критерием всего. Защищая и оправдывая любую цель или задачу, было достаточно доказать, что это соответствует идее демократии. Демократия стала видеться в качестве панацеи от всех возможных политических проблем. Соответственно, любое отрицание или сомнение в идеальности демократии означало делигитимацию сторонников такого подхода. Глава МИД Монголии Л. Пурэвсурэн, комментируя критику либеральной демократии со стороны премьер-министра Венгрии В. Орбана, высказался следующим образом: «Свернув с демократического пути, страна может получить завтра какие-то политические и экономические выгоды. Но в долгосрочном плане только демократия и рыночная экономика являются путём стабильного развития» [Пурэвсурэн 2014].

Демократия рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. При этом репрезентация демократии нередко по форме близка к аналогичным репрезентациям социализма.

При этом репрезентация демократии нередко по форме близка к аналогичным репрезентациям социализма. Характерным в этом плане является выступление одного из молодых демократов начала 1990-х гг. Л. Болда на 10 ассамблее межпарламентской группы «Монголия – ЕС»: «В ходе мирных революций нет ни победителей, ни проигравших, только самый большой шаг к светлому будущему... Монгольская демократия – это результат мужественной революции, которая привела к политической и экономической трансформации... Монголия достигла исторического двойного транзита за относительно короткий период времени не столько благодаря значительной международной и иностранной помощи, сколько за счёт внутреннего согласия, взаимодействия и убеждённости. Поэтому мы всегда будем защитниками и покровителями наших демократических ценностей» [Speech on the Mongolia – EU... 2015]. Не менее показательными являются слова Ц. Элбэгдоржа: «Демократию не построить одноразовым выбором... Мы выбрали сложный путь. И все мы верим, что в конце пути нас ждёт счастье... Мы должны стараться для демократии каждый день, любить её, пока она жива» [Элбэгдорж 2015].

Постсоциалистическая трансформация предполагала создание новой политической идентичности населения Монголии, формируемой за счёт эксплуатации образов прошлого. Именно история была одним из элементов легитимации социалистического режима, описывая его как неизбежный и закономерный результат общественного развития. И она же должна была помочь перекодировать политическое пространство Монголии в начале 1990-х гг. Политические изменения включали в себя кардинальную переоценку исторических событий и, в первую очередь, истории XX века. В рамках этой переоценки социалистический период оказался в центре острой критики. Многие национальные символы, запрещённые или критикуемые в социалистический период, были восприняты и успешно конвертированы ведущими политическими силами Монголии в 1990-е гг. Исторические и политические сюжеты стали сливаться и переплетаться.

Центральной исторической темой, призванной повлиять на политический процесс, являлась фигура Чингисхана, которая была поставлена в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии. Чингисхан, а точнее его образ, начал рассматриваться с позиций текущих политических задач и интересов. К. Каплонски, исследуя тему образов Чингисхана в постсоциалистической Монголии, выявил зависимость между политическими предпочтениями граждан и их восприятием великого хана. Он указывает на то, что для монгольских демократов Чингисхан представлялся «демократическим правителем и законодателем». По мнению известного монгольского

Именно история была одним из элементов легитимации социалистического режима, описывая его как неизбежный и закономерный результат общественного развития. И она же должна была помочь перекодировать политическое пространство Монголии в начале 1990-х гг.

политика и предпринимателя Н. Ням-Осора, «Чингисхану не были чужды демократические ценности» [Ням-Осор 1997: 250]. Другой известный политик Б. Батбаяр (псевдоним Баабар) назвал Монгольскую империю «первым в истории человечества правовым государством» [Баабар 2010: 37]. Для сторонников более жёсткой политической власти он был прежде всего «сильным влиятельным правителем, харизматической фигурой, способной вывести страну из болота, в котором она оказалась сегодня» [Kaplonski 2004: 134].

История и историко-культурные символы и образы для монгольской политической элиты стали выступать важным источником легитимации демократического режима. По словам Л. Болда, «блестяще доказано, что азиатское общество имеет культурные корни для успешного построения демократии» [Welcome Note... 2013: 3]. История должна была помочь подчеркнуть естественность и закономерность произошедшей демократизации в Монголии. Монгольской элите всегда было крайне важно подчеркнуть, что монгольская демократия была рождена и возвращена в Монголии и на данный момент представляет собой демократию, опирающуюся на национальные ценности. Как заявил спикер парламента З. Энхболд, «монголы не импортировали свою демократию – она родилась на этой земле и возродилась в результате революционной деятельности нашей молодёжи» [Энхболд 2015].

В монгольском политическом процессе утвердилось телеологическое объяснение демократии, которое во многом слилось с подобным представлением о монгольской нации и её судьбе. По словам одного из высокопоставленных членов МНРП Б. Тэрбиша, «начало демократическим протестам в Монголии было положено не в 1989–90 гг., а намного раньше, в эпоху социализма, когда против граждан страны начались репрессии. Соответственно, каждый репрессированный был самым настоящим демократом, боровшимся с тоталитарным режимом. Демократия – это то, что было присуще монголам всегда и имманентно» [цит. по: Kaplonski 2004: 77]. Естественность и глубокая историчность монгольской демократии доказывается, в том числе, посредством сравнения с другими странами и народами. По словам главы администрации президента Монголии П. Цагаана, «перемен, которых в других странах смогли достичь слишком высокой ценой, монголы достигли путём мирных переговоров и демократических выборов, тем самым доказав всему миру, что имеют собственные традиции государственного уклада и демократическую культуру, являясь свободолюбивым народом... В нашем регионе нет другой страны, совершившей подобный политический и экономический переход мирным путём. Не удивительно, что подобный опыт, а также наши достижения и уроки, привлекают интерес других стран, получая высокие оценки» [Цагаан 2014].

В монгольском политическом процессе утвердилось телеологическое объяснение демократии, которое во многом слилось с подобным представлением о монгольской нации и её судьбе.

Ещё одним из атрибутов демократизации Монголии на рубеже 1980–90 гг. стало возвращение религии и её институтов в публичное пространство. Начавшись с отдельных лозунгов и газетных публикаций эпохи монгольской перестройки, требовавших введения реальной свободы вероисповедания и реабилитации буддийской церкви, рассматриваемый процесс вскоре получил институциональное оформление. В 1990 г. был основан Союз Верующих, целью которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей. В 1992 г. в Монголии было открыто около 100 буддийских храмов. Наряду с буддистами в начале 1990-х гг. открыто заявили о своих правах представители других религий – шаманизма и ислама. Кроме того, в этот же период в Монголии начали свою деятельность т. н. «нетрадиционные конфессии» – различные христианские церкви и общины, мормоны, бахаи и другие. В новой конституции 1992 г. помимо прочих свобод провозглашалась свобода вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 51) и запрещалась дискриминация по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2) [Конституция... 1992]. В целом монгольское постсоциалистическое общество оказалось глубоко увлечено религией, рассматривая её как часть восстановленной традиции, подвергшейся забвению в социалистическую эпоху.

Признание буддизма национальной религией Монголии стало частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности. Члены МНРП, оставшиеся в массе своей у власти в начале 1990-х гг. и практически единогласно поддерживавшие идею буддизма как национальной религии, помимо прочего, пытались продемонстрировать непричастность своей партии к массовым репрессиям против церкви и религии, перекладывая всю ответственность на СССР и его политику. Избранный в 1991 г. на XX съезде МНРП председателем партии Б. Даш-Ёндон в качестве основ партийной идеологии провозгласил т. н. «срединное учение», опирающееся на буддийскую философию. На фоне критики социалистического прошлого в общественном сознании населения укоренилось представление о неразрывной связи между государственным суверенитетом монголов и сохранением национальных, в том числе религиозных, традиций [Сүхбаатар 2011].

Многие монгольские политики, включая глав государства и правительства, стали регулярно посещать религиозные мероприятия. Первый президент Монголии П. Очирбат участвовал в церемонии открытия статуи бодхисатвы Жанрайсэг в главном столичном монастыре Гандантэгченлин в 1996 г. Под патронажем министерства окружающей среды прошла церемония открытия статуи Будды у подножья горы Богдохан в 2005 г. Ламы стали регулярно приглашаться на государственные церемонии благословления священных гор в Монголии. Президент Монголии Н. Багабанди на конферен-

Признание буддизма национальной религией Монголии стало частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности.

ции, посвящённой отношениям государства и церкви в 1998 г., отметил особый статус «национальной традиционной религии» и сильные стороны буддизма [Приветственное слово... 1998: 7]. Нынешний президент Монголии Ц. Элбэгдорж совершил широко освещённые прессой восхождения на священные горы Бурхан-Халдун и Богдохан.

Политика дистанцирования от России

В основе начавшейся трансформации лежали не только задачи перехода от социалистической модели общественного развития к свободному рынку и политической демократии. Также демократическая революция рассматривалась как возможность дистанцироваться от влияния северного соседа (т. е. России), его политического, экономического, культурного доминирования. Более того, понятия «суверенитет» и «демократия» стали сопутствующими и взаимосвязанными терминами. В речи, произнесённой во время заседания Европейского парламента, Ц. Элбэгдорж увязал задачи обретения политических свобод с задачами обретения «свободы» от СССР: «В начале 1920-х гг. в стране был установлен коммунистический режим, который продержался около 70 лет. Во времена сталинского режима каждый шестой взрослый мужчина был репрессирован, более 700 буддийских монастырей сожжено. Свободная жизнь стала нашей целью... Мы собрались тогда, чтобы защитить наше право на объединение, свободу слова и религии. Мы требовали многопартийной системы, демократических выборов и рыночной экономики... В те времена наш северный сосед продолжал контролировать и руководить нашей жизнью» [Монгол улсын... 2015]. Б. Батбаяр в этом смысле идёт дальше, называя главной внешнеполитической причиной революции: «Основным двигателем демократической революции 1990 г. были не демократические ценности, свобода и права человека или свободная экономика, как говорят сегодня... Основной идеей было прекратить то безобразие, когда мы превращались то в шестёрку, то туза в карточной игре наших соседей» [Батбаяр 2013].

В 1989–90 гг. оппозиционные МНРП политические силы вооружились в качестве аргументов в том числе и анти-советскими лозунгами. Во-первых, Советский Союз объявлялся основным виновником кризисной ситуации в экономике страны после того, как резко сократил финансовую помощь и поставки экспортных товаров. Особую критику со стороны монгольской общественности вызвал вопрос о долгах Монголии Советскому Союзу [Надиров 2002: 124–125]. Также звучали предложения потребовать с советской стороны платы за ущерб, нанесённый монгольской степи военными учениями, проводимыми советскими воинскими частями во время пребывания их на территории МНР [Джагаева 2003: 47].

Демократическая революция рассматривалась как возможность дистанцироваться от влияния северного соседа (т. е. России), его политического, экономического, культурного доминирования.

В 1989–90 гг. оппозиционные МНРП политические силы вооружились в качестве аргументов в том числе и анти-советскими лозунгами.

Во-вторых, северный сосед назывался главным источником негативных моментов монгольского прошлого. Б. Батбаяр в опубликованной в конце 1980-х гг. книге «Не забывай! Забудешь, погибнешь!» прямо обвинял в массовых репрессиях 1920–30-х гг. в МНР советскую сторону [Баабар 1990]. Одним из первых требований оппозиционных МНРП движений стала замена кириллического письма, введённого в МНР в 1941 г., на старомонгольскую письменность (монгол бичиг). Хотя идея о возврате к старомонгольскому письму была выдвинута самими руководством МНРП ещё в середине 1980-х гг. и была призвана стать одним из признаков перестройки и обновления в Монголии, в политических программах оппозиционеров она превратилась в символ искажения и вмешательства в монгольскую культуру со стороны Советов, окончательно получив политическую окраску.

Но главным обвинением в адрес СССР был тезис о навязанности социализма монголам: «После 1924 г. наш северный сосед начал импортировать и экспортировать идеологию социализма и коммунизма, и монголы ни о чём не сожалели, когда в 1990-х гг. решили отказаться от этого социального режима – импортный продукт не прижился на нашей земле» [Энхболд 2015]. Навязав монголам социализм, СССР заставил их свернуть с «естественного пути исторического развития», что в конечном итоге привело в тупик. Логичным продолжением данной концепции стал тезис о том, что окончание советско-монгольского союза явилось ничем иным, как освобождением Монголии из-под диктата Москвы и обретением истинной независимости. Подобная мысль довольно явственно присутствует в текстах ряда монгольских политиков и учёных [Эрдэнэбат 1998; Батсайхан 1997].

Заключение

Монгольский опыт постсоциалистической трансформации, несмотря на все его специфические черты, типологически схож с аналогичными процессами в странах Восточной Европы конца XX в. Начавшись как попытка экономических реформ «сверху», события постепенно перерастали в массовые выступления, участники которых требовали серьёзных политических реформ. В результате Монголия стала единственной постсоциалистической страной в Азии, пошедшей по примеру России и восточно-европейских стран на одновременное проведение радикальных политических и экономических реформ. Это отражало значительную степень вовлечённости страны в мировую социалистическую систему и взаимосвязанность многих общественно значимых процессов в рамках этой системы.

Библиографический список

Баабар. 2010. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татар. кн. изд-во. 543 с.

Батбаяр Б. 2013. Приключения иностранных инвестиций. Биография политики третьего соседа // Монголия сегодня. 5 июня. С. 7.

Бойме К. 1994. Теория трансформации – новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. № 7. С. 148–159.

Гербова А. А. 1991. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. М.: Наука. 212 с.

Гербова А. А. 1994. Процесс становления нового общества в Монголии // Монголия: трудный путь к рынку. М.: ИМЭПИ РАН. С. 5–16.

Джагаева О. А. 2003. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений. М.: ИЭ РАН. 138 с.

История Монголии. XX век / Отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Капустин Б. Г. 2001. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Политические исследования. № 4. С. 6–26.

Конституция Монголии. Принята 13 января 1992 г. // Веб-сайт «Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова». URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 [Дата посещения: 30.06.2016].

Кубышина Г. А. 2000. Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия). М.: Дипломатическая академия МИД РФ. 223 с.

Лангеноль А. 2004. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Ab Imperio. № 1. С. 365–387.

Надилов Ш. Г. 2002. Горбачёв и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и её последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН. С. 124–125.

Никула Й. 2005. Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход // Мир России. № 1. С. 135–137.

Приветственное слово Президента Н. Багабанди на конференции, посвящённой отношениям государства и церкви // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Улаанбаатар, 1998. С. 7–9.

Пурэвсурэн Л. 2014. Организация саммита Азия–Европа – дело чести // Монголия сегодня. 27 октября.

Пшеворский А. 2000. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН. 320 с.

Хатанболд О. 2015. Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8 (1). С. 205–211.

Ширендыб Б. 1967. Минуя капитализм. Улан-Батор: Гос. изд-во МНР. 180 с.

Шумпетер Й. 1995. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика. 540 с.

Энхболд З. 2015. Демократическая революция не завершилась – она продолжается // Монголия сегодня. 19 марта. С. 2.

Эрдэнэбат Б. 1998. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. М.: РИСИ. С. 79–90.

Яскина Г. С. 1994. Жизненный уровень населения в период реформы // Монголия: трудный путь к рынку. М.: ИМЭПИ РАН. С. 30–40.

Яскина Г. С. 1995а. Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 43–51.

Яскина Г. С. 1995b. Экономическая реформа в Монголии (современный этап) // Владимирцовские чтения-III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 25–26 октября 1993 года). М.: ИВ РАН. С. 27–28.

Aslund A. 1992. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? Washington DC: The Brookings Institute. 108 p.

Boone P. 1994. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. № 18. P. 329–256.

Brandtstädter S. 2007. Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process // Critique of Anthropology. Vol. 27. P. 131–145.

Burawoy M. 2001. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // East European Politics and Society. Vol. 15. Issue 2. P. 269–290.

Burkhart R., Lewis-Beck M. 1994. Comparative Democracy: The Economic Development Thesis // American Political Science Review. December. P. 903–910.

Diamond L. 1992. Economic Development and Democracy Reconsidered // American Behavioral Scientist. March/June. P. 450–499.

Diamond L. 1997. Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments and Issues // Democracy's Victory and Crisis. Issue 93. P. 311–370.

Elster J. 1990. When Communism Dissolves // London Preview of Books. Jan. 24. P. 3–6.

Jowitt K. 1992. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press. 342 p.

Kaplonski C. 2004. Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes. London and New York: Routledge Curzon. 248 p.

Muravchik J. 1991. Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny. Washington, D. C.: The American Enterprise Institute. 300 p.

Offe C. 1991. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. Vol. 58. № 4. P. 865–892.

Rossabi M. 2005. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press. 397 p.

Rostow D. 1970. Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. April. P. 337–363.

Sanders A. 1992. Mongolia's new constitution: Blueprint for Democracy // Asian Survey. Vol. 32. № 6. P. 506–520.

Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. by M. Burawoy, K. Verdery. New York: Rowman & Littlefield, 1999. 322 p.

Verdery K. 2002. Whither Postsocialism? // Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia / ed. C. Hann. London, New York: Routledge. P. 15–31.

Welcome Note from H. E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia. 2013 // The Mongolian Journal of International Affairs. Vol. 18. P. 3–4.

Баабар. 1990. Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь – погибнешь). Улаанбаатар. 115 х.

Батсайхан О. 1997. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911–1932 (Препятствия на пути развития Монголии в 1921–1932 гг.). Улаанбаатар: Монголын ШУА. 318 х.

Бямбасүрэн Д. 2015. ЗХУ Монголыг хараат байдлаа-саа гарна гэж бодоогүй (Д. Бямбасүрэн: СССР не думал, что Монголия выйдет из-под контроля) // Сайт информационного

агентства «Монцамэ». URL: http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 [Дата посещения: 30.06.2016].

Монгол улсын Ерөнхийлогч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг. 2015 (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) // Официальный сайт президента Монголии. URL: <http://www.president.mn/content/11647> [Дата посещения: 30.06.2016].

Ням-Осор Н. 1997. Миний мэдэх Чингисийн Монгол (Мои знания о Монголии Чингиса). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл. 339 х.

Цагаан П. 2015. 1990 оны сонгуульнь Монголын төр төсны нэншинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл (П. Цагаан: Выборы–1990 – качественно новое явление в новейшей истории Монголии) // Официальный сайт президента Монголии. URL: <http://www.president.mn/content/11747> [Дата посещения: 30.06.2016].

Сүхбаатар Д. 2011. Монголын бурханы шашны сэргэлт (Возрождение монгольского буддизма) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Элбэгдорж Ц. 2015. Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй (Мы должны любить демократию, пока она жива) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Сайханбилэг Ч. 2015. Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн (Монголы сотворили историю демократизации совместными усилиями) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.418

Mongolia at the Turn of XX–XXI Centuries: A Case of Post-Socialist Transformation

Rodionov Vladimir Alexandrovich

Candidate of political sciences, associate professor of the Department of Historical and Regional Studies of Asian countries, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Abstract. This article¹ examines the drastic changes in society which occurred in Mongolia at the turn of the 21st century. One of the key concepts used in this article is “post-socialist transformation”. The purpose of this term is to explain the existence of common historic and spatial characteristics among countries

¹ The study was executed with financial backing from the RFH (Russian Foundation for Humanities) within the framework of RFH scientific-research project “Post-Soviet society and the Buddhist Sangha: socio-religious processes in Russia and Mongolia”, project № 15-23-03002.

which relinquished socialism as a social model and instead accepted capitalism as an alternative social ideal. While examining this phenomenon in Mongolia, together with those formal institutional changes in politics and the economy which accompany transformation, equal importance was attributed to analyzing the discursive nature of post-socialism, i.e. the manner in which the processes occurring were perceived and interpreted. The Mongolian phenomenon primarily consists of the fact that it turned out to be the only former socialist state in Asia which took the path of simultaneously reforming both the political and economic sector, utilizing the experience of Eastern-European post-socialist states and Russia as a basis. After relinquishing socialism, Mongolia began to accept capitalism as a new ideal model, while maintaining a modernist outlook on its history, its present and its future. Democracy as a central concept of post-socialist transformation in Mongolia is considered to be the main measure of modernity and progress, which separates “advanced nations” from “underdeveloped countries” in terms of social development. The democratic revolution of 1989–1990 is considered to be some sort of “watershed” which separates development from underdevelopment. The period of socialism in Mongolia’s history is considered to be a manifestation of underdevelopment: it is presented as a pre-modern or even an anti-modern era, based on denying the values of modernity. Meanwhile the idea of democracy was perceived by Mongolian society with extreme diffusiveness and controversy. Some associated democracy with freedom – in the broad sense of that word. Others, who denounced the system of benefits for the party nomenclature, saw an opportunity for social justice in democracy. Such phenomenon as rehabilitating history and religion, as well as changing foreign-policy strategy, are viewed as attributes of the country’s democratization, while democracy in itself became interconnected with such phenomena as “nation” and “sovereignty”.

Keywords: Mongolia, post-socialist transformation, democracy, modernity.

References

Aslund A. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? Washington DC, The Brookings Institute publ., 1992. 108 p.

Baabar. Istorija Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita [History of Mongolia: from World Domination to the Soviet Satellite]. Kazan’, Tatarsk. publ., 2010. 543 p.

Batbajar B. Prikliuchenija inostrannykh investiciy. Biografija politiki tret’ego soseda [Adventures of foreign investments. Biography of the third neighbor policy]. Mongolija segodnia, 5.06.2013, p. 7.

Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. Journal of Comparative Economics, 1994, no 18, pp. 329–256.

Boyme K. Teorija transformacii – novaja mezhdisciplinarnaja otrasl’ znaniya? [Transformation Theory – a New Interdisciplinary Field of Knowledge?]. Gosudarstvo i pravo, 1994, no 7, pp. 148–159.

Brandtstädter S. Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process. Critique of Anthropology, 2007, Vol. 27, pp. 131–145.

Burawoy M. Transition without Transformation: Russia’s Involuntary Road to Capitalism. East European Politics and Society, 2001, Vol. 15, issue 2, pp. 269–290.

Burkhart R., Lewis-Beck M. Comparative Democracy: The Economic Development Thesis. American Political Science Review, 1994, December, pp. 903–910.

Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered. American Behavioral Scientist, 1992, March/June, pp. 450–499.

Diamond L. Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments and Issues. Democracy’s Victory and Crisis, 1997, Issue 93, pp. 311–370.

Dzhagaeva O. A. Rossiya i Mongolija: ocherk istorii vzaimootnosheniy [Russia and Mongolia: A Short History of relations]. Moscow, IE RAS publ., 2003. 138 p.

Eenkhbold Z. Demokraticheskaja revolyucija ne zavershilas’ – ona prodolzhaetsia [The democratic revolution has not ended – it continues]. Mongolija segodnia, 19.03.2015, p. 2.

Elster J. When Communism Dissolves. London Preview of Books, 1990, Jan. 24, pp. 3–6.

Erdenebaat B. Harakter i tendencii razvitiya voennykh otnosheniy Mongolii s zarubezhnymi stranami v uslovijah novoy geopoliticheskoy obstanovki [The Nature and Trends of Development of Military Relations

of Mongolia with Foreign Countries in the New Geopolitical Situation]. Mongolija: aktual'nye voprosy nacional'noj bezopasnosti. Sbornik statey. Moscow, RISI publ., 1998, pp. 79–90.

Gerbova A. A. Privatizacija: opyt Vostochnoy Evropy i Azii [Privatization: the Experience of Eastern Europe and Asia]. Moscow, Nauka, 1991. 212 p.

Gerbova A. A. Process stanovlenija novogo obschestva v Mongolii [The Process of Establishing a New Society in Mongolia]. Mongolija: trudny put' k rynku. Moscow, IIEPS RAS publ., 1994, pp. 5–16.

Hataanbold O. Poniatija i predstavlenija mongolov o demokratii: izmenenija i otnoshenija [Concepts and Ideas of Democracy of the Mongols: Change and Relationships]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, Vol. 8 (1), pp. 205–211.

Istorija Mongolii. XX vek. [Mongolian History. XX century]. Ed. by G. S. Jaskina. Moscow, IV RAS, 2007. 448 p.

Jaskina G. S. Economicheskaja reforma v Mongolii (sovremenny etap) [Economic Reform in Mongolia (Contemporary Stage)]. Vladimircovskie chtenija-III. Conference papers (Moscow, Russia, 25–26.10.1993). Moscow, IV RAS, 1995, pp. 27–28.

Jaskina G. S. Politicheskie reformy v sovremennoj Mongolii [Political Reforms in Modern Mongolia]. Problemy Dal'nego Vostoka, 1995, no 5, pp. 43–51.

Jaskina G. S. Zhiznenny uroven' naselenija v period reform [Living Standard of Population in the Period of Reforms]. Mongolija: trudny put' k rynku. Moscow, IIEPS RAS, 1994, pp. 30–40.

Jowitt K. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 1992. 342 p.

Kaplonski C. Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes. London and New York, Routledge, Curzon, 2004. 248 p.

Kapustin B. G. Konec «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desiatiletija) [The End of “Ttransitology”? (On the Theoretical Understanding of the First Post-communist Decade)]. Politicheskie issledovanija, 2001, no 4, pp. 6–26.

Konstitucija Mongolii ot 13.01.1992 [The Constitution of Mongolia]. Web source. URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 [date of visit: 30.06.2016].

Kubyshina G. A. Vlast' i preobrazovanija gosudarstvennoj sobstvennosti v stranah Vostochnoy Azii (Kitay, Respublika Koreja, Mongolija) [Power and the Conversion of State Property in the Countries of East Asia (China, Republic of Korea, Mongolia)]. Moscow, Diplomatic Academy of MFA RF, 2000. 223 p.

Langenol A. Obschestvennaja pamiat' posle smeny stroja: shodstva i razlichija mezhdru praktikami pamiat' v postkommunisticheskikh i postkolonial'nykh stranah [Public Memory after the Change of Regime: the Similarities and Differences between the Practices of Memory in Post-communist and Post-colonial Countries]. Ab Imperio, 2004, no 1, pp. 365–387.

Muravchik J. Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny. Washington, D. C., The American Enterprise Institute, 1991. 300 p.

Nadirov Sh. G. Gorbachiov i Batmunkh: politika «perestroyki i obnovlenija» i ejo posledstvija. Rossiya i Mongolija v svete dialoga evrazijskikh civilizacij [Gorbachev and Batmunkh: Policy of “Restructuring and Renewal” and its Consequences]. Conference Papers. 2–5.06.2001. Moscow, IV RAS, 2002, pp. 124–125.

Nikula J. Teorija zavisimosti ot traektoriy razvitija i postsocialisticheskij podhod [The theory of Dependency of the Path of Development and Post-socialist Approach]. Mir Rossii, 2005, no 1, pp. 135–137.

Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe. Social Research, 1991, Vol. 58, no 4, pp. 865–892.

Privetstvennoe slovo Prezidenta N. Bagabandi na konferencii, posviaschionnoy otnoshenijam gosudarstva i Cerkvi [Welcoming Address by President N. Bagabandi at the Conference Dedicated to the Relationship of Church and State]. Ter, sym hijdijn harilcaa: orchin ue. Ulaanbaatar, 1998. pp. 7–9.

Przeworski A. *Demokratija i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoy Amerike* [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPEN publ., 2000. 320 p.

Purevsuren L. *Organizacija sammita Azija-Evropa – delo chesti* [Organization of Asia-Europe Summit – a Matter of Honor]. *Mongolija segodnia*. 27.10.2014.

Rossabi M. *Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 2005. 397 p.

Rostow D. *Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model*. *Comparative Politics*, 1970, April, pp. 337–363.

Sanders A. *Mongolia's new constitution: Blueprint for Democracy*. *Asian Survey*, 1992, Vol. 32, no 6, pp. 506–520.

Shirendyb B. *Minuja kapitalizm* [Passing the capitalism]. *Ulaanbaatar: MPR State publ.*, 1967. 180 p.

Shumpeter J. *Kapitalizm, socializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika publ., 1995. 540 p.

Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly. *News.mn website*. URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World. ed. by M. Burawoy, K. Verdery. New York, Rowman & Littlefield, 1999. 322 p.

Verdery K. *Whither Postsocialism? Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*. Ed. by C. Hann. London, New York, Routledge, 2002, pp. 15–31.

Welcome Note from H. E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia. *The Mongolian Journal of International Affairs*, 2013, Vol. 18, pp. 3–4.

Баабар. Бүү март! Мартвал сөнөнө. Улаанбаатар, 1990. 115 p.

Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911–1932. Улаанбаатар, Монголын ШУА, 1997. 318 p.

Бямбасүрэн Д. ЗХУ Монголыг хараат байдлаасаа гарна гэж бодоогүй, 2015. *Montzamae Information Agency Official website*. URL: http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 [date of visit: 30.06.2016].

Монгол улсын Ерөнхийлөгч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг 2015. *Mongolian President Official website*. URL: <http://www.president.mn/content/11647> [date of visit: 30.06.2016].

Ням-Осор Н. Миний мэдэх Чингисийн Монгол. Улаанбаатар, Өнгөт хэвлэл, 1997. 339 p.

Цагаан П. 1990 оны сонгууль нь Монголын төр төсны нэншинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл. *Mongolian President Official website*. URL: <http://www.president.mn/content/11747> [date of visit: 30.06.2016].

Сүхбаатар Д. Монголын бурханы шашны сэргэлт. 2011. *News.mn Official website*. URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Хангал М. Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна. 2012. *Olloo.mn Official website*. URL: <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048> [date of visit: 30.06.2016].

Элбэгдорж Ц. Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй. *News.mn Official website*. URL: <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Сайханбилэг Ч. Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн. *News.mn Official website*. URL: <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> [date of visit: 30.06.2016].